

Иерей Иоанн Молдавчук

История формирования чинопоследования пострижения в монашество

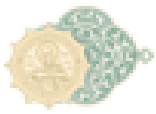
1. Свидетельство Древней Церкви об истории возникновения чинопоследования пострижения в монашество

*“Иже не примет
креста своего, и вслед
Мене грядет, несть Мене
достойн”*

(Мф. 10, 38).

Монашество явилось и живет в Христианской Церкви как результат глубокого покаяния христианина в своих грехах и стремление его к высшим подвигам нравственного совершенства. Своим развитием и внешней организацией христианское монашество обязано Египту, который считается его родиной. Историк восточного монашества Бесс видит в этом как бы награду Египту за то, что он приютил гонимого Иродом Христа-младенца¹.

В христианском же Египте должен был получить свое начало, а отчасти и развитие, чин пострижения в монашество.

Итак, какие сведения предоставляет нам история восточного монашества о чине пострижения?

Содержание современного чина пострижения предполагает полную и законченную внешнюю организацию монашеской жизни. В нем соединяются два элемента: монастырский и церковный. Это, с одной стороны, прием игуменом и братией пришедшего в монастырь, а с другой — благословение на новую жизнь, преподаваемое ему через священника Церковью, ее молитвы за него, освящающие его доброе намерение и подающие ему благодатную помощь в нравственных подвигах. Безусловно, первоначально монашество, в том числе и египетское, не имело сколько-нибудь установившейся организации, а следовательно, и определенного чина пострижения. Поэтому в древнейшей истории монашества можно усмотреть только зачатки такого чинопоследования.

Монашество в Египте сначала становится известным в форме уединенного отшельнического подвижничества. Молва о подвигах отшельников привлекала к ним внимание всех, ищущих совершеннейшей и святой жизни, желающих последовать их примеру.

Вступающим на трудный путь христианского подвижничества необходимо было руководство. Их руководителями становились те лица, подвиги которых вызывали всеобщее внимание, например, такие знаменитые подвижники, как преподобные Павел Фивейский и Антоний Великий.

Между руководителями и их учениками устанавливалась духовная связь, духовное родство, союз духовных отцов и духовных чад. Соответственно, и отношения их носили главным образом духовный характер и внешне никак не регламентировались. Аскетический опыт старшего перенимали юные подвижники; но все-таки жизнь каждого из них текла более по внушениям и побуждениям собственного сердца, глубоко убежденного в истинности начал подвижнической жизни, движимого огнем благочестивой ревности по Боге и желанием посвятить себя Его

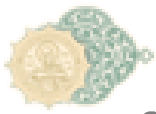

благоугождению. Вот почему первый период истории монашества не дает нам сведений об особенном, торжественном обряде принятия в число подвижников; этот обряд возможен только в общежитийном монашестве.

Следует заметить, что духовные отношения не могли совершенно исключить собой внешних отношений. Великий подвижник, в силу своего духовного авторитета, должен был принимать на себя частично и внешние начальственные права в общине подвижников, а при случае — пользоваться ими. Его власть более всего обнаруживалась при приеме нового члена в общину. Это потому, что община была обязана ему своим созданием. Но насколько несложен был прием нового подвижника в совместную жизнь, видно из следующего.

К преподобному Антонию Великому пришел Павел Простой с целью поучиться у него подвижнической жизни. Преподобный долго испытывал твердость намерений пришедшего и, наконец, убедившись в его глубоком желании и несокрушимом решении посвятить себя служению Богу, признал его способным стать на путь подвижничества.

“Во имя Господа Иисуса ты уже стал монахом”, — сказал преподобный Павлу после его испытания, и тот стал подвизаться недалеко от преподобного Антония². Таким образом, если стремящийся к подвигам совершенства желал подвизаться вместе с другими пустынножителями, то они принимали его в свое общество, удовлетворившись лишь признанием за ним способности вести такую же, как и они, подвижническую жизнь. Всякий подвижник жил по своему собственному благоусмотрению и почти не зависел от общины, так как не давал перед ней торжественных обетов. Главным же побуждением для него к подвижничеству выступало внутреннее решение вести богоугодную жизнь. Эта глубокая решимость благочестивой души не исповывалась внешним и торжественным образом “пред многими

свидетелями”, как впоследствии, а лишь внутренне сознавалась пред своей религиозной совестью.

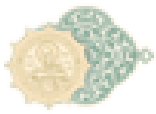
Вступая в новую жизнь, подвижники отрекались от мира: порывали всякую связь с ним, раздавали свое имущество и посвящали себя Богу. Однако было бы неправильно думать, что аскетический подвиг не полагал никакой внешней печати на подвизающегося. Как жизнь новая и чуждая мира, подвижничество, конечно, имело свои внешние отличия. Прежде всего, они проявлялись в одежде, которая служит показателем принадлежности известного лица к известному обществу или учреждению и даже свидетельствует о внутреннем состоянии человека. Подвижникам, проводившим жизнь в постоянном сокрушении о грехах и покаянии, вполне соответствовала одежда черного или темного цвета³, а ее материал из козьей или верблюжьей шерсти более всего приличествовал подражателям Иоанна Крестителя, всю жизнь проводившего в пустыне, Илии и Елисея и тех, о которых говорит апостол Павел: “прондоша в милотех, и в кознях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени: Ихже не бе достоин весь мир, в пустынях скитающиеся, и в горах, и в вертепах, и в пропастьех земных” (Евр. 11, 37–38). Но эти одежды в период отшельнического монашества еще не получили своего однообразия и определенности, какие были им даны в последующее время⁴.

Можно предполагать, что в рассматриваемый период существовал и обычай “постригать власы” при вступлении на путь подвижничества, так как пострижение волос у всех почти народов считалось признаком скорби, покаяния, а вместе с тем и перемены жизни⁵; в христианстве же оно было запечатлено, по блж. Августину, также и традицией⁶. Известно, что преп. Синклитикия, вступая на путь подвижнический, остригла свои власы⁷, а из того обстоятельства, что при пострижении ее присутствовал пресвитер, можно заключить, что ее вступление в монашество сопровождалось церковным благословением⁸.

Организатором общежительного монашества или киновитства считается святой Пахомий Великий (282—346 гг.), основавший монастыри на Тавеннском острове реки Нила и в Фиваиде (Верхний Египет). Он впервые обнес стеной келии и ввел дисциплину. Его наставления — это древнейшие монашеские правила. Они вменяют в прямую обязанность монахов труд и молитву, содержат указания относительно их одежды, пищи и сна⁹. К его иноческому уставу необходимо обратиться, чтобы узнать, как совершался прием желающего посвятить себя монашеской жизни. Созданные по правилам св. Пахомия монашеские общины уже не были похожи на те подвижнические поселения, которые существовали до него, например, руководимые прп. Антонием Великим. Обители прп. Пахомия получили свою организацию, и жизнь монахов начала подчиняться определенным нормам, которые беспрекословно должны были соблюдать все живущие в монастыре. В уставе прп. Пахомия (39 правило) говорится, что прежде, чем принять желающего, его подвергали испытанию, которое состояло в том, что пришедшего сначала не впускали внутрь и долго держали вне монастырских стен¹⁰. Это делалось с намерением узнать, насколько у пришедшего сильно желание вступить в монастырь, насколько велико его терпение, сможет ли он переносить невзгоды и, наконец, обладает ли смирением, составляющим необходимое условие нравственного совершенствования.

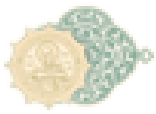
Прп. Кассиан, путешествовавший по Востоку с целью познакомиться с устройством монастырской жизни, прибавляет к этому, что у восточных подвижников был обычай употреблять при испытании даже крайние и суровые меры. Он свидетельствует, что “когда кто приходил с желанием быть принятым в общину, то его не прежде допускали внутрь, как когда он дней десять или более того, оставаясь за воротами, докажет твердость своего желания и свое смирение с терпением. Когда же он, повергаясь

на колена пред всеми приходящими братьями, всеми намеренно будучи отталкиваем и презираем, как бы желающий войти в монастырь не по благочестию, а по нужде, и поражаем при том оскорблениями и поношениями, дает опыт своего постоянства, покажет, каким будет в искушениях и терпении бедствий, и по таком испытании его духа будет принят”.¹¹ После такого искуса новоначального допускали в обитель. При монастыре была гостиница. В нее определяли на послушание желающего стать монахом. Живущий в гостинице занимался изучением молитв и заучивал несколько псалмов. Приготовление это продолжалось довольно долго. За приготовлением следовало и само принятие в монастырь. Прием в монастырь представлялся невозможным без лишения собственности. Прп. Кассиан говорит: “...со всяким вниманием наблюдается, чтобы при нем не оставалось ничего из прежнего его имени, даже на одну полушку”¹².

Как совершалось само принятие? Устав прп. Пахомия передает, что с поступающего в монастырь “снимали мирские одежды и облекали в иноческие, и поручали вратарю ввести его в собрание братьев во время молитвы”¹³.

По свидетельству церковного историка Созомена, иноки-тавенниситы имели свои особенные, отличительные, сравнительно с другими иноками, одежды. Это льняной левитон, пояс, белая козья (или овечья) милоть и куколь с изображением на нем пурпурного креста. Все это изображено на медной доске, врученной Ангелом прп. Пахомию¹⁴. Но, кроме этих одежд, у тавенниситских иноков были также нарамник, мантийца, сандалии на ногах и посох¹⁵. Можно предполагать, что при вручении постригаемому каждой из этих одежд, ей придавалось символическое значение, так как одежды тавенниситов, по замечанию прп. Кассиана, “не столько потребностям тела соответствовали, сколько указывали на обязательные для иноков черты нрава”¹⁶.

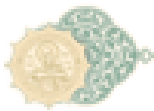

Из этого видно, что правила восточного монашества, переданные сверхъестественно и поддерживаемые высоким авторитетом Великого Пахомия, так или иначе легли в основу уставов всех монастырей Египта и других стран. Так, устав свт. Василия Великого составлен после его путешествия по Востоку и знакомства с правилами восточных монастырей. Устав прп. Кассиана также отражает жизнь восточных подвижников.

Под влиянием египетского развивалось и палестинское монашество. Прп. Иларион Великий (291–371), положивший там начало киновитскому монашеству, получил аскетическое воспитание у прп. Антония Великого.

О монашеских обетах уже упоминается в житии преподобного Илариона. После того, как распространилась слава о его подвигах, к нему стали стекаться многие “из Сирии и из Египта, так что многие уверовали во Христа и произнесли монашеские обеты”¹⁷.

В сочинении свт. Дионисия Ареопагита “О церковной иерархии” (VI гл.) есть описание тайнодействия монашеского посвящения, где говорится: “Иерей стоит перед Божиим жертвенником, священнословствуя монашеское молитвословие, а посвящаемый стоит позади иерея, не преклоняя ни обоих колен вместе, ни одного какого-нибудь из них, не имея на главе своей богопреданного Слова Божия, но просто только предстоя иерею, который священнословит над ним таинственное молитвословие. По совершении же этого молитвословия, иерей, приблизившись к посвящаемому, во-первых, спрашивает его, отрицается ли он от всякого разделительного не только образа жизни, но и помысла; потом описывает ему жизнь совершеннейшую, внушая, что он должен стать выше среднего состояния (в добродетельной жизни). Когда посвящаемый свободно исповедует все это, иерей, запечатлев крестовидным знамением, постригает его, возглашая Троицу Всеблаженного Божества, и, по совлечении всех прежних одежд, облакает его в одежду другую, и вместе с други-

ми священными мужами, которые при этом присутствуют, дав ему лобзания, делает его причастником богоначальных таинств”¹⁸.

В этом описании монашеского посвящения указаны все составные части чина пострижения в монашество. Здесь говорится о положении постригаемого, и о его действиях, и о действиях священника и, наконец, о присутствии при облачении других “священных мужей”, только все это представлено в форме общей схемы чина без конкретизации его содержания. Здесь нет указаний на определенную молитву или ряд молитв; говорится только о молитвословии вообще, как необходимой составной части чина, совершаемого иереем. Оглашение также передается в общей форме.

Восстановить древний чин пострижения в монашество в точности невозможно, так как литургические памятники не сохранились. Среди памятников, и то уже сравнительно поздних, для нас представляют интерес Евхологии, в которых содержатся молитвы, читавшиеся при пострижении в монашество. Впрочем, в них нет собственно описания чинов пострижения, поскольку их первоначальная цель — сохранить только молитвы.

Самый древний из дошедших до нас литургических памятников, где приводится последование пострижения в схиму, — это рукописный Евхологий VIII—IX вв.¹⁹. В нем описывается чин, состоящий из непрерывно следующих друг за другом молитв и ектений. В начале последования есть такое замечание: “После обычного последования тропарей выходит (подразумевается из алтаря) иерей, останавливаясь в дверях алтаря, и начинается пение тропаря, гл. 4: “Отверзется дверь покаяния”. По входе постригающегося в алтарь он падает ниц перед святым Престолом, и затем диакон говорит ектению”²⁰. Далее в Евхологии приведены такие молитвы: “Господи Боже истины, в Твое имя полагаю руку мою”; “Установивший небесное воинство”; “Святый Бла-

гий, во святых почивая”; “Владыко Господи, Боже наш, создавший человека по своему образу и подобию”; “Господи, Боже спасения нашего, благословивший нас всяким благословением”. Молитвы отделяются одна от другой ектенией с прошениями, применительно к совершаемому чину.

Очевидно, здесь не один чин пострижения, но эти молитвы собраны из разных практиковавшихся одновременно чинов. Сюда могли войти элементы чинопоследования как малой, так и великой схимы. Потверждение тому можно найти в этом же Евхологии после второй молитвы “Установивший сие небесное воинство”, в нем дается замечание: “До сих пор то, что относится к малой схиме”²¹. Кроме того указывается, что по окончании первой молитвы диакон снова произносит ектению. По-видимому, отсюда начинается новый чин.

При обозрении других сохранившихся источников чинопоследования монашеской схимы есть затруднения относительно того, как классифицировать молитвы с такими неопределенными заглавиями, как “Молитвы на намеревающегося принять монашескую схиму”. В частности, в рукописном Евхологии XI в. есть молитва на намеревающегося принять мантию. В данном случае невозможно определить, о чем же идет речь — о малой или великой схиме, ибо с современной точки зрения мантия считается необходимой принадлежностью монаха, принявшего как малую, так и великую схиму. Мантии рясофорный инок не имеет²².

В рукописях XII в. есть чин и последование “просхимы”. Словари не дают объяснения этого слова. Гоар относит его к последованию над новоначальными, переводя заглавие одного древнего чина — “прóсхιμα” — так: “Чин облачения нового новоначального одеждми”²³. По его мнению, название “просхима” указывает на то, что принимающий ее еще не удостоился малой схимы, а тем более великой, но только вступает в предуготовительное состояние к схиме.

Происхождение чинопоследования пострижения в рясофор

Самая простая форма чинопоследования совершаемого над новоначальными монахами представлена в рукописных Требниках XIV в. В них приводится “Чин о том, как следует делать рясофорным монахом желающего поступить в монастырь и принять монашескую схиму”²⁴. Его можно считать самым древним из дошедших до нас чинопоследований над новоначальными. “Желающий прийти в монастырь получить монашескую схиму, — говорится там, — должен прийти в храм и сделать метание Св. Вратам, игумену и братьям. Иерей: “Благословен Бог наш...”, братия: Трисвятое и тропари, гл. 5. “Помилуй нас, Господи...”, “Слава”: “Господи, помилуй”, “И ныне”: “Милосердия двери...”. Непосредственно после сего пришедший в монастырь облачается в одежды рясофорного монаха: камилавку и рясу. Под рясой *рѣсо* от *рѣкосъ*, что означает лохмотья, нужно понимать самое дешевое рубище, сотканное из козьей шерсти²⁵. То, что эта одежда составляла древнее одеяние монахов, видно из того, что при Алексие Комнине (1081—1118) монахи назывались по названию этой одежды — ракендитами²⁶.

Камилавка — войлочная шапка, составлявшая принадлежность новоначальных монахов и отличавшая их от малосхимников и великосхимников, голову которых покрывал куколь. Ученый Гоар видит указание на камилавку в житии блж. Авраамия и его племянницы Марии, составленном прп. Ефремом Сирином²⁷.

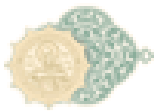
Вышеприведенное чинопоследование совершенно сходно с началом современного “Последования на одеяние рясы и камилавки”²⁸.

Источники XI в. так описывают этот чин: “Прежде пострижения принимающий просхиму вопрошается иереем: “Вольною ли

мыслию пришел ты ко Христу? Не от некия ли нужды или на-
силия? Отрицаешься ли от мира и сущих в мире? Пребудеши ли
в монастыри сем и в постничестве до последнего издыхания?
Подчинишися ли во Христе братству? Сохраниши ли ся в дев-
стве и целомудрии до последнего издыхания?”²⁹ Из самого чина
не видно, как давались ответы на эти вопросы: на каждый от-
дельно или на все вместе. После этого ряда вопросов следуют
слова иерея: “Вижь, чадо, якова обетования даеши Владыце
Христу”, и когда он выразит свое согласие со всеми, диакон
возглашает: “Преклоньше колена, Господу помолимся”. Брат
преклоняет колена, и иерей читает молитву “Благодарим Тя,
Господи, Боже наш”. После этой молитвы — “Мир всем”,
диакон читает “Главы ваша”, а затем молитва “Господи, Госпо-
ди... Сило спасения нашего”³⁰.

Начало чина осложнено добавлением молитвы “Господи, Боже
наш, достойных быти...”. После нее следует вопрос: “Скажи,
чадо, почему мы собрались здесь?”. И постригающийся отвеча-
ет: “ἐπιθυμῶ τὸν βίον ἀσκητικόν”, что означает: “Желаю жиз-
ни подвижнической”. После такого троекратного заявления свя-
щеннодействующий обращается к нему со следующими словами:
“Ты возжелал прекрасного, (это) — жизнь апостольская”. Да-
лее следует оглашение, представляющее, с некоторыми измене-
ниями, оглашение в современном нам чине малой схимы³¹. “Аще
хощеши инок быти, прежде всего — очисти себе от всякия
скверны плоти и духа, совершая святыню во страхе Божием,
стяжи смиренномудрие, имже наследник будеши вечных благ;
отложи житейскаго обычая дерзость; послушание имей ко всем;
безропотен буди в заповеданных ти службах, в молитвах терпе-
лив; во бдении неленостив, во искушениях не печалуй; в постех
не расслабляйся, вижь же, яко молитвою и постом подобает ти
умолити Бога; в немощех не пренемай, поразумевай же лука-
вые помыслы, не имать бо престати враг, предлагая ти память

прежняго жития мирскаго и ненависть к сему добродетельному и ангельскому жительству. Ты бо, чадо, трезвися во всех, злопостражди яко добрый воин Христов; Сам бо Господь и Бог наш, богат Сый в милости, нас ради обнища, быв по нам, да мы обогатимся в Царствии Небеснем. Соделайся подражателем Господа, преспевая в заповедях Его день и ночь. Егда так совершиши, удостоишися и совершенства апостольскаго сего дара, и соединишися вместе с избранным сим стадом во Христе Иисусе Господе нашем; Ему же со Отцем и Святым Духом слава”³².

Совершенно другой состав и расположение молитв имеет чин в рукописных Евхологионах XII в. Оригинальность этого чина побуждает нас изложить его подробно.

Он начинается прямо с молитвы, читаемой по обычному призыву диакона помолиться Господу: “Святый, Благий, Благото Отец Сыне”. За этой молитвой перед пострижением читается молитва главопреклонения: “Боже великодаровитый, привлекающий раба...”. Пострижение по этому чину совершается без особенной обрядности. Вслед за пострижением вступающий в монастырь облачается в черный стихарь (μαῦρο στιχάριον), на главу его возлагается куколь, а стан опоясывается кожаным поясом. После облачения иерей читает молитву главопреклонения: “Владыко Господи, Едине Благий и человеколюбец...”³³.

Чинопоследование заканчивается лобзанием новопостриженного монастырской братией и обычным после этого отпустом.

Такие два “последования над новоначальными” представляет нам история XI—XII вв. Какое же влияние оказали они на дальнейшую службу этого последования? Что касается первого чина, который мы рассмотрели, то в полном и цельном своем виде он не повторяется в последующих источниках. Из него в состав современного чина вошла только одна молитва: “Господи Боже наш, достойных быти...”.

Напротив, второй чин последования пострижения в рясофор практиковался в Церкви в такой именно форме, какую представляет Евхологий, принадлежащий А.А. Дмитриевскому. Важность этого памятника очевидна, так как среди литургических памятников до XV в. нет ни одного, который содержал бы последование чина, подобного приведенному в этом Евхологии.

Современная форма чина на рясоношение впервые встречается в рукописных Требниках XIV в., где в “Последовании на облачение в рясу новоначального” помещены молитвы, которые приводятся в современном Требнике: “Благодарим Тя, Господи Боже наш” и молитва главопреклонения: “Во иго Твое спасительное”. После этой молитвы иерей постригает новоначального и облачает его в рясу и камилавку, “причем, ничего не говоря из прошений ектений”³⁴.

В рукописях XV в. этот чин называется “благословением носить рясу”. Желающий принять рясофор приходит к игумену с троекратным поклоном, просит у него разрешения на совершение чинопоследования.

Когда игумен даст разрешение, то по обычном благословении иерея начинается чинопоследование. После 50-го псалма поются тропари, гл. 1: “Объятия Отча”; “Яко впадший в разбойники и израненый”; “Слава, и ныне”; Богородичен “Село пространное непостижимаго”.

Во время пения этих тропарей желающий получить благословение стоит с непокрытой головой, неопоясанный и босой. По окончании пения тропарей иерей начинает чтение молитв. Первая молитва — “Святой, Благий: Благого Отца Сыне, гордыню низложивый...”; вторая — “Во иго Твое, Владыко, спасительное прими раба Твоего...”. За молитвами следует троекратное пострижение волос главы вступающего в монастырь со словами: “Во имя Отца” — при первом пострижении, “и Сына” — при втором, “и Святаго Духа” — при последнем. Облачение в

хитон³⁵ и камилавку, следующее за пострижением, совершается без каких-либо слов со стороны иерея. После этого иерей творит отпуст³⁶.

В схиматологии Феодора Студита XV в., принадлежащей русскому Пантелеймонову монастырю, об этом чине говорится так: “Брат приводится в храм и пред Святыми Вратами творит три метания”. В какой момент богослужения совершается этот чин, памятник не говорит ничего. По обычном начале читаются псалмы: “Боже, в помощь мою вонми” и “Господь просвещение мое и Спаситель Мой, кого убоюся” (этот псалом приводится в чине пострижения в рясофор в Требнике Петра Могилы)³⁷, а затем — тропари, гл. 5: “Помилуй мя, Господи...”, “Многая множества моих, Богородице, прегрешений...”, “Все упование мое...”. Затем читается молитва “Господи, Боже наш, верный в обетованиях...”, которой нет ни в одном современном чине на рясофор. В Русской Церкви эта молитва включена в чинопоследование пострижения в великую схиму. Еще одна особенность описываемого чина состоит в том, что в нем не указывается, совершалось ли пострижение над братом или нет. После молитвы по этому чину брату дается имя и надевается на голову камилавка³⁸. О перемене имени при пострижении в монашество говорит еще святой Василий Великий³⁹.

Происхождение чинопоследования пострижения в малую схиму

Монашество в собственном смысле начинается с малой схимы, потому что принимающие малую схиму дают полные иноческие обеты: соблюдать всегдашнее девство, послушание и нестяжание. Однако только тогда нетщотны подвиги, когда цель их — следование Христу. Историческое исследование чинопоследования малой схимы мы начнем с рассмотрения рукописных

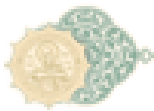

источников XII в. В них говорится, что после молитвы “Господи, Боже наш, достойных быти...” иерей произносит: “Мир всем”, диакон: “Главы ваша...”, иерей читает молитву: “Господи Боже наш, упование и прибежище...”, иерей крестообразно постригает брата и возлагает на него мантию (μανδύας) со словами: “Брат наш приемлет паллий во обручение великой и ангельской схимы, рцем о нем: Господи, помилуй”. После облачения братия постригает нового монаха в диаконнике, читая во время пострижения “непорочны”. По возвращении в храм мантийный монах лобызает братию”⁴⁰.

Состав молитв, входящих в чинопоследование XII в., не отличался сложностью. Чин предлагал только две молитвы из тех, которые читаются в современном чине перед пострижением волос и облачением. Очевидно этот дошедший до нас чин не воспроизводит во всей полноте древнего последования на облачение малой схимы, а представляет лишь его сокращенный вариант. Это становится особенно заметным, если сопоставить его с описанием чина монашеского пострижения в сочинении св. Дионисия Ареопажита “О церковной иерархии”⁴¹, так как в него не включены те вопросы и молитвословия, которые предлагаются иереем перед оглашением, и нет даже самого оглашения.

В литургических памятниках XIII в. встречается более обширное последование на “облачение в мантию”. Поскольку чин из источников XIII в. близок к чину, представленному в рукописях XIV в., мы сопоставили их, отмечая различия между ними.

В источниках XIII в. время приведения желающего принять иноческий образ указывается весьма неопределенно: “после начала Божественной литургии”. Постригаемый вводится епископом как лицом, которое берет на себя руководство его монашеской жизнью. “При пении “блаженных”, — говорится далее, — братия возжигает розданные ей свечи, чтобы присутствовать при совершении пострига нового собрата. Обычным порядком

совершается малый вход, а затем поют тропарь “Объятия Отча”, во время которого желающий облачиться в монашеские одежды подходит вместе с еkkлeсиархом к ступенькам перед Престолом, на которых стоит священник во время совершения богослужения, падает ниц перед ним и остается в таком положении до окончания пения тропаря”⁴². В литургических памятниках XIII в. указывается также порядок пострижения в монашество и в том случае, когда постригаются лица, имеющие священный сан пресвитера или диакона. Если по принятии иноческого образа эти лица желают оставить за собой прежние иерархические права, то они входят в самый алтарь и припадают к Престолу, в противном случае они действуют, как обычные монахи без священнического сана.

Так как принятие в монастырь зависело, главным образом, от согласия игумена, то и пострижение, естественно, совершалось при его участии. Так было в древности, и так это сохранилось и до наших дней.

Евхологионы XIV в., говоря о священнодействующем при пострижении иерее, подразумевают в нем игумена⁴³. Рукописи XIII в. обращают внимание на тот случай, когда настоятель монастыря не имеет иерейского сана. Тогда при малом входе он не подходит к служащим иереям, а остается на своем обычном месте. При пении “Объятия Отча”, постригающийся в монашество шествует к алтарю, чтобы пасть ниц пред Святыми Вратами. По окончании пения брат поднимается для того, чтобы открыто и чистосердечно ответить на вопросы игумена монастыря, в котором он намерен провести свою жизнь: “Что пришел еси, брате?..”. Брат отвечает: “Желая жизни подвижнической”⁴⁴. При сличении вопросов в источниках XIII и XIV вв. заметны довольно значительные отличия. Так, в рукописных Требниках XIV в. приводятся такие вопросы: “Что пришел еси, брате, к св. Жертвеннику? — Ответ: Желая жития подвижнического. Доброе

дело. — Вольною ли мыслию? — Ей, честный отче. — Не от некия ли нужды или насилия? — Ни, честный отче. — Пребудеши ли в монастыре и подвижничестве до последнего твоего издыхания? — Ей, честный отче”⁴⁵. Затем следует оглашение: “Вижь, брате...”. Среди приведенных вопросов отсутствуют только вопросы об отречении от мира и готовности претерпевать скорби и тесноту монашеского жития ради Царствия Небесного.

Выслушав обеты брата, игумен указывает ему на важность их для него в будущей жизни: данные пред Самим Господом и Его Ангелами обеты должны быть свято исполнены, так как жизнь и монашеское делание постригаемого будут испытаны и за них он будет держать ответ при втором Господнем пришествии. Поэтому оглашение “Вижь, чадо” оканчивается словами “...во втором пришествии Господа нашего”. Затем иерей вслух читает молитву: “Господи, Боже наш, достойных быти”, приглашая присутствующих внимать ей. За ней следует молитва главопреклонения: “Господи, Боже наш, надежда и прибежище”⁴⁶. В источниках XIV в. после этой молитвы положено чтение молитвы “Господи, Господи, сило спасения нашего”, которая встречается уже в рукописях XI–XII вв.

Обычно за молитвами следует пострижение: иерей полагает ножницы на антиминс, а по чину, указанному в Евхологиях XIII в., — на Евангелие⁴⁷. Постригаемый подходит ближе к месту пострижения и начинает творить поклоны, как бы пред Лицем Самого Господа, Который невидимо присутствует. Иерей еще раз предлагает постригаемому серьезно обдумать и испытать свое решение — вступить на невозвратный путь иноческой жизни: “Никто тебя не принуждает придти к этому ангелоподобному житию”⁴⁸.

После этого иерей, убедившись в решимости и готовности брата начать монашескую жизнь и исполнять подвиги послушания,

просит его подать ножницы, лежащие на Евангелии, и когда брат протягивает руку, чтобы взять их, иерей обращает его внимание на внутреннюю и таинственную сторону пострига: “Виждь, от руки Христовой приемлещи их”; “Виждь к Кому приходиши и Кому обещаешься”. “Благословен Бог, хотяй всем человеком спастися”, — восклицает иерей, принимая ножницы. Пострижение совершалось крестообразно с произнесением слов: “Во имя Отца и Сына и Святаго Духа” и при пении “Господи, помилуй”⁴⁹. После этого постриженный облачается в мантию (паллиум).

В древнейших последованиях пострижения в малую схиму — XIII в. — указывается, что игумен вручает новопостриженному возжженную свечу и прибавляет, как бы для всех присутствующих, что “брат наш (имя рек) принял обручение ангельской схимы во имя Отца и Сына и Святаго Духа”⁵⁰. На призыв иерея помолиться о новопостриженном, народ отвечает троекратным “Господи, помилуй”. Обряд пострижения заканчивается лобзанием; принявший “обручение схимы” обходит всех братий, кланяется всем, начиная от игумена и до последнего послушника, и лбызуется с ними. По окончании лобзания все, кроме новопостриженного, гасят свечи, а он держит свою зажженной до конца литургии.

Особенность этих чинов заключается и в том, что, согласно источникам, пострижение брата в XI в. совершалось по окончании всего чина, после лобзания, и происходило в нарфике (притворе) при чтении “Блажени непорочнии”⁵¹.

После пострижения нового монаха в чинопоследовании XIII в. указывается, что иерей продолжает прерванную литургию обычным порядком с возгласа: “Яко Свят еси, Боже наш...”, а в Евхологиях XIV в. — следует ектения с прошениями о милости и помощи Божией новому монаху. Когда постриженный возвращался из притвора в храм после ектении, то иерей

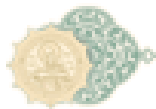
возносил молитву “Благодарим Тя, Господи Боже наш, яже по мнозей милости Твоей избавил еси раба Твоего”⁵². Этим заканчивался чин пострижения в монашество.

В рукописях XIII в. встречаются такие замечания: новопостриженный монах после лобзания, покрыв главу, стоит со своим восприемником — экклесиархом — возле игумена; если нет препятствий со стороны совести, он в тот же день приобщается Святых Таин; новопостриженный после пострига прислуживает в трапезе братьям в продолжение семи дней, которые служат временем его духовно-нравственного становления.

Вместе с тем, и эти чинопоследования малой схимы, хотя и представлены в более распространенной форме, не воспроизводят полностью ее древней формы. В них опущены молитвы, входящие в состав как малой, так и великой схимы, из которых первая — “Всецедрый убо Бог и Милостивый” — совершается в начале чинопоследования (после оглашения), а вторая — “Господи Боже наш, введи раба Твоего” — читается в конце его.

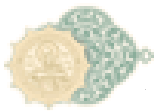
Прямым доказательством тому служит Типик XIV в., в котором последование пострижения дается в полной форме, весьма близкой к современному.

“После начала Литургии, — говорится в последовании, — желающий постричься стоит в рясе и верхней одежде (χιτών) с непокрытою головою пред св. вратами, молясь Богу об оставлении грехов. При пении антифонов на Божественной литургии, экклесиарх раздает монахам свечи; по входе поется кондак дня, затем экклесиарх с другим братом подходят к желающему принять схиму и вводят его в храм, держа его с обеих сторон. Затем при пении тропаря “Объятия Отча” принимающий монашество стоит во Святых Вратах и кланяется игумену и братии. “Что пришел еси?...”⁵³ и далее указывается весь порядок современного го чина со всеми входящими в него обрядами и молитвами.

Относительно одежд замечено, что прежде надевают камилавку, затем рясу, паллий (pallium лат.) и, наконец, мантию.

Почти в полном своем виде последование пострижения в малую схиму содержится в рукописи XV в., принадлежащей о. Антонию Капустину. В этом источнике говорится, что по удару в било к литургии братия начинают читать часы, экклесиарх вводит желающего постричься, который делает три земных поклона перед Святыми Вратами, ликам и игумену⁵⁴. Это первые приготовительные действия к пострижению, после чего, как бы получив благословение от Господа и согласие от братии и игумена, желающий постричься в малую схиму выходит в притвор, где отлагает свои обычные одежды. После этого он, “неопоясанный, босой, с открытой головой, прикрытый одной сорочкой “за благообразие”, вводится экклесиархом из притвора в самый храм, где и стоит до малого входа. По малом входе на “Славе” полагается кондак дня, а на “И ныне” — тропарь “Объятия Отча”, “Престол Твой страшен”, “Тя Матерь Божию вси вемы...”. Во время пения этих тропарей желающий постричься припадает к Святым Вратам, а братия зажигает свечи. Трижды поклонившись до земли перед Святыми Вратами, постригаемый еще раз повергается пред игуменом, и последний начинает вопрошение⁵⁵. Только тогда вопросы задает игумен, когда он облечен иерейским саном, если же нет, то вопрошает служащий иерей. Задаются вопросы о готовности хранить себя в девстве, целомудрии и благоговении; слушаться настоятеля и всех братий во Христе; терпеть всякую скорбь и тесноту монашеского жития ради Царства Небесного. В других источниках предлагаются те же вопросы, что и в современном чине пострижения в монашество, который имеется в славянском Требнике. Утвердительный ответ вопрошаемого выражается либо в полной форме:

“Ей-Богу, содействующу, честный отче”, либо в краткой: “Ей, честный отче”⁵⁶.

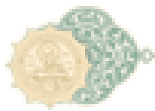
Новопостриженный облачается затем в хитон, опоясывается поясом, приемлет паллий и надевает сандалии. Указывается также, что иерей дает ему в правую руку крест, произнося при этом: “Рече Господь: аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и последует Ми”, — потом иерей вручает ему возжженную свечу и произносит: “Рече Господь: тако да просветится свет...”⁵⁷.

В позднейших источниках говорится о чтении прокимна дня и другого — “Господь просвещение мое”, а также Апостола из послания к Ефесянам: “Братия, возмогайте о Господе и в державе крепости Его. Аллилуя” (Еф. 6, 10). “Се нищий воззва...” Евангелие от Луки: “Рече Господь: аще кто хочет по Мне ити, отвержется себе”, до слов “дондеже увидят Царствие Божие”⁵⁸, и по порядку совершается Божественная литургия.

После пострижения в монашество за трапезой дается каждому брату вино в серебряном потире во спасение и оставление грехов новопостриженного⁵⁹.

В чинах, приспособленных самостоятельному, независимому от литургии совершению, после ектении, следующей за лобзанием, совершался отпуст.

Облачение монаха, как говорит святой Симеон Фессалоникийский, должно постоянно напоминать ему, что он уже не принадлежит к этой (земной) жизни, что он умер для нас и стал человеком нетленным и небесным. Все черное обозначает скорбь и умерщвление плоти, и мрак греховный; власяные или кожаные одежды знаменуют собой тоже умерщвление, нижние одежды — благодать Божию; верхние — Божественный покров⁶⁰. Первая иноческая одежда есть власяница, или шерстяная рубашка, которая прикрывает все тело. Она

соответствует той, которая в древности называлась хитоном и служила верхней одеждой. Духовный смысл власяницы, как показывает ее простота, заключается в том, чтобы напоминать иноку данный им обет вольной нищеты.

Надеваемый на монаха параман со крестом напоминает о подвиге великих подвижников христианства — о ношении вериг, о том, что он взял на себя благое иго заповедей Христовых и должен заботиться об обуздании и умерщвлении всех похотей своей плоти.

Третья иноческая одежда — ряса. В древности она, вероятно, была то же, что и хитон. В настоящем виде появилась в позднейшее время. Свое название эта одежда получила от греческого слова *ραγίζω*, что означает “растерзывать”, “сморщивать”, потому что ряса по своей форме кажется как бы сморщенной. В духовном смысле она означает одежду радования или веселия.

Иноки Пахомиева монастыря всегда носили ременный пояс⁶¹. Духовное значение препоясания — целомудрие и чистота, как указывает святой апостол Павел: “Станьте убо препоясаны чресла ваши истиною” (Еф. 4, 14). Препоясать себя истиной — значит лишить себя произвола действовать вопреки истине.

Верхнее монашеское одеяние есть паллий (от латинского слова *pallium*), или мантия. Эта одежда соответствует милоти — одежде из звериной шкуры, которой покрывали себя в древности пустыnnики в подражание Иоанну Крестителю, носившему одежду из верблюжьей шерсти.

На голову монаха по его пострижении надевают камилавку, или клобук (*καλυμμαύχιον*), что означает покрывало. В древности это покрывало было известно под названием наглавника. По свидетельству Кассиана, египетские монахи носили такие наглавники и днем и ночью⁶².

Духовное значение клобука — непорочность и хранение чувств, смиренномудрие.

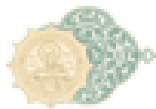
Тавеннитские монахи в жару и в холод носили полусапоги или сандалии⁶³ — куски толстой кожи, вырезанные по форме ступни и привязываемые к ней тонкими ремешками. Они теперь даются иноку. Духовное значение их — шествие Божественным путем и наступление на всю силу вражью.

В заключение иноку вручается шерстяная вервица или четки⁶⁴ для совершения молитвенного подвига. После всего этого ему дают свечу и крест, чтобы он сиял добродетельным житием и делами благочестия. На всех монашеских одеждах есть крестное знамение, потому что вся жизнь монаха есть один крестный подвиг, и он следует за Распятием и подобно Ему носит крест⁶⁵.

Происхождение чинопоследования пострижения в великую схиму

Великая схима есть совершеннейшая монашеская жизнь. Великосхимник — это подвижник, олицетворяющий идеал монашества: для него доступны высшие ступени духовных подвигов и совершенства. Поэтому он находится “в предстоянии монашеского чина”. Если малая схима считается у монахов “обручением великой”, то великая схима есть именно такое состояние, в котором осуществляются духовные монашеские идеалы, то состояние, к которому собственно и направляется вся подвижническая жизнь монаха.

Поскольку таких подвижников история указывает нам с самого начала образования института монашества, то можно было бы думать, что чинопоследование благословения на высокое подвижничество должно быть столь же древним. Но на самом деле этого не видно, и мы находим свидетельства

о “Чине пострижения в великую схиму” только начиная с XI в. Это объясняется тем, что хотя все три степени совершенства монашеской жизни известны с первых веков истории монашества, но внешне различие между малосхимниками и великосхимниками определилось со времени прп. Феодора Студита (826 г.). Разделение монахов на великосхимников и малосхимников вызвало горячий протест со стороны прп. Феодора Студита. “Не давай, — обращается он к своему ученику, игумену Николаю, — малой, как говорят, схимы, а потом через несколько времени другой, как бы великой, ибо схима одна, подобно Крещению, как употребляли ее св. отцы”⁶⁶.

Можно допустить, что в древности церковное благословение преподавалось вступающему на совершеннейший путь жизни особенно, когда он оставлял для этой цели киновию и удалялся в пустыню, что можно было делать только с ведома и разрешения игумена монастыря и его благословения. Вот это благословение игумена и послужило, по-видимому, первоначальным основанием к возникновению чина пострижения в великую схиму. В общецерковную практику этот чин вошел только в начале IX в. Сравнительно позднее его происхождение доказывается сходством его общего порядка и большинства обрядов с порядком и обрядами чина малой схимы.

Приступая к изложению истории этого чинопоследования в Греческой Церкви, нужно отметить, что в своем историческом развитии чин великой схимы не претерпел таких больших изменений и не имел таких различий, какие встречаются в истории чинопоследования малой схимы.

Появление разных вариантов в чине великой схимы становится заметным начиная с XIII века.

Древнейшим из чинопоследований великой схимы является “чин святой и великой схимы”, изложенный в источниках XI в. Может быть, этот чин и есть самый древний из

практиковавшихся в Церкви. “С вечера, — говорится в чинопоследовании, — вносятся в алтарь одежды желающего постричься и полагаются на святой Трапезе, на утрени поется канон схимы, а на литургии поются антифоны”⁶⁷. Начало последования, как видим, такое же, как и в современной практике.

В рукописях XIII в. перечисляются одежды: хитон, куколь, аналав, паллий (pallium (лат.)), пояс (ζώνη) и сандалии. К одежде полагалась свеча и на Трапезу ставились ножницы⁶⁸.

Присвоение куколя и аналава, которые сейчас составляют исключительную принадлежность облачения великосхимников, было введено после того, как великая схима вошла во всеобщее употребление среди монашествующих. В древности куколь составлял принадлежность всех без исключения монахов. Тогда было введено изменение внешнего вида куколя; об этом свидетельствует название, которое куколь сохранил до настоящего времени: “шлем” (κουκούλλι) — это название прилагается также и к клобуку малосхимника, и к куколю великосхимника⁶⁹.

“Этот куколь свешивается спереди — на персях (силы) мысленной и сердца, и сзади, и обшит вокруг червлеными крестами для того, чтобы этим царственным и страшным знамением отклонять врагов, и спереди и сзади нападающих на нас. Кресты эти расположены: на челе, на груди, на обоих плечах и на спине”⁷⁰.

Что касается аналава, или парамана, то в практике Русской Церкви XV—XVI вв. он возлагался и на малосхимников⁷¹, а в киевской практике он составлял принадлежность монашеских одежд малосхимника⁷². Положение аналава на теле описывается в Новой Скрижали таким образом: “Аналав, или параман, опускаясь сверху от шеи на шнурках и, разделяясь на стороны, обнимает мышцы под руками и, располагаясь на

груди и раменах, теми же шнурками обвивает и стягивает одежду; и таким образом опоясав монаха, делает его способным ко всякому делу”⁷³.

Он сшит из кожи, в знамение смерти для мира. Это символ креста на раменах, как говорит Господь в Евангелии: “Возьми крест свой, и следуй за Мною” (Мк. 8, 34).

В Евхологионах XI в. упоминается о каноне и кафизме “св. и великой схимы”. В этих источниках помещены также кондак, гл. 1 “Объятия Отча”, стихиры, гл. 2 “Верую приходящего...”, “Имей источник благих...”, “Стену преиду тобою греха...”. Канон тот же, что и в современном чинопоследовании великой схимы⁷⁴.

В рукописях XIII в. говорится, что при пении “Блаженных”, когда служащими иереями совершается малый вход, к ним присоединяется игумен для участия в предстоящем пострижении⁷⁵. Очевидно, здесь имеется в виду случай, когда игумен не совершает сам литургии или же не имеет священного сана. По окончании “Богородична” принимающий великую схиму поднимается с земли и стоит при входе в храм из притвора. Священник предлагает ему ряд вопрошений, которые повторяют вопрошения малой схимы, только к трем последним вопросам добавлен еще один: “Отрицаеши ли ся мира и еже в мире по заповеди Господней?”⁷⁶ Такого вопроса нет в современном последовании малой схимы. Оглашение то же, что и ныне: “Виждь, чадо, якова обетования даеши Владыце Христу...”, с вопросом в конце: “Сия вся тако ли исповедуеши?”⁷⁷ За оглашением следует молитва “Всещедрый убо Бог и многомилостивый”. После молитвы помещено еще одно оглашение, которое начинается такими словами: “Господи Бог наш Иисус Христос, призывая нас на путь спасения, говорит: приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии и Аз упокою вы”⁷⁸. После этого принимающий схиму снов

повергается ниц и пребывает в таком положении во время чтения следующих двух молитв. “Иерей, сотворив крестное знамение на главе принимающего схиму, обращался на восток, и после возгласения диакона “Господу помолимся” читал молитву: “Сый Владыко Вседержителю, вышний Царю Славы...”, “Мир всем”, народ: “И духови твоему”. Диакон: “Главы ваша...”. Иерей молится: “Святыи Господи сил, Отче Господа нашего Иисуса Христа”. После молитвы иерей поднимает лежащего и ведет за правую руку в алтарь, где постригающийся лобзает Св. Евангелие, сотворив предварительно три земных поклона”⁷⁹.

Пострижению предшествует обычное назидание: “Се Христос невидимо предстоит...”, которое иерей говорит, указывая рукой на Евангелие. Затем иерей повелевает подать ему ножницы, и когда постригаемый подает их, произносит: “Се от руки Христовы приемлени я”, после чего следует возглас: “Благословен Бог, хотяи всем человекам спастися”⁸⁰. Крестообразное пострижение сопровождается словами: “Брат наш постригает власы главы своея во имя...”. После пострижения иереем братия отводит постриженного в диаконник, где тоже постригает его, читая “Неспорочны”⁸¹.

В то время, как братия уходит из храма в диаконник и там совершает пострижение, иерей в храме продолжает прерванную литургическую молитву Трисвятого, а диакон произносит ектению, в которой помещены прошения о новопостриженном. Затем возглас: “Яко свят еси” и Трисвятое, после которого читался прокимен, гл. 3 “Господь просвещение мое...” со стихами. Апостол к Колоссянам: “Братие, облещитеся убо якоже избранныи Божиими...”. Конец его: “Поюще в сердцах ваших Господеву”. Аллилуиарий. Евангелие читается от Матфея: “Рече Господь: иже любит отца или мать паче Мене...” и оканчивается: “Не погубит мзды своея”.

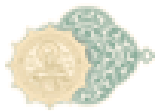
Пострижение в алтаре выражает мысль об отречении от мира и сочетании со Христом. В некоторых рукописных источниках замечено, что постригаемый подает ножницы не иерею, а игумену, а тот вручает их иерею.

Пострижение принимающего великую схиму наблюдается всей братией на всем продолжении истории великой схимы до XVI в. включительно.

Постриженный в диаконнике брат вводится братией полураздетым: на нем только сорочка (χιτών). При пении антифонов он шествует, держа в руках возжженную свечу. Это самая торжественная часть чинопоследования. Зажженные светильники имеют целью выразить “даруемую благодать”, “просвещение” принимающего схиму и небесную радость о нем⁸².

Во время этого шествия священник возводит постригаемого на ступени престола, а певцы поют тропарь, гл. 1 “Царю Небесный”, “Слава, и ныне”, “Богородичен”: “Радуйся у нас, св. Богородице Дево”. По входе на ступени престола постригаемого облачает свидетель, а иерей говорит слова, установленные при возложении той или иной одежды. Порядок возложения одежд такой: сначала одевается хитон, затем куколь, аналав, мантия, пояс и сандалии. В заключение иерей произносит: “Брат наш (имя рек) восприял монашескую схиму во имя...”. При облачении поется тропарь, гл. 4 “Отверзется дверь покаяния”, “Облечитесь в ризу спасения...” со стихами “Слава, и ныне”, “Богородичен”: “Имея Тебе, Богородице, надежду...”⁸³.

По облачении диакон возглашал “Господу помолимся”, и иерей читал молитву над наклонившим голову великосхимником: “Господи Боже наш, верный в обетованиях Твоих...”. Иерей: “Мир всем”, диакон: “Главы ваша...”, и иерей: “Господи Боже, введи раба...”. Певцы в это время пели, как бы

приветствуя нового схимника, тропарь, гл. 6 “Да возрадуется душа моя о Господе...” со стихами. Этим заканчивается чин. Далее братия дает лобзания схимнику в знак поздравления и христианской любви.

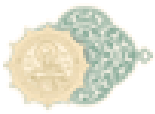
При пострижении схимник целует Евангелие, как бы умоляя самого Господа принять его в свои объятия, и по окончании пострига снова целует Евангелие, вознося Богу свою горячую благодарность за то, что сподобился принять великий ангельский образ.

Порядок лобзания такой. По окончании чтения священником молитв, диакон выносит из алтаря Св. Евангелие. К Евангелию подходит новый схимник, припадает к нему, целует его и становится около диакона. За схимником подходят к Евангелию братия во главе с игуменом и, поклонившись Евангелию, подходят к схимнику и лобзуют его. В это время певцы поют тропарь, гл. 1 “Познаим, братие...” со стихами, после чего схимник входит в алтарь, где остается до окончания литургии.

Какое участие принимал в литургии великосхимник? В источниках XIII в. указывается, что он идет со свечей перед священнослужителями на великом входе и приобщается Святых Таин.

По окончании Божественной литургии братия с зажженными свечами шествовали вместе с новопостриженным в трапезную, причем восприемник вел его за правую руку.

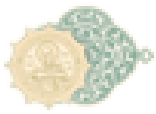
По монашескому обычаю, воспринявший великий ангельский образ в течение семи дней после пострига посвящал себя исключительно служению Богу: он освобождался от обычных монашеских послушаний и работ, чтобы неопустительно присутствовать при всех церковных богослужениях, а в свободное от богослужения время, уединясь в своей келии, занимался богомыслием. В эти дни уставом предписывалось “сухоядение”.

По истечении семидневного срока великосхимник возвращался к обычной монастырской жизни, в завершение этого семидневного торжества совершалось особое молитвословие, называемое “Молитвой на разрешение, или снятие куколя”. В Требнике оно излагается как особый чин и помещается сразу за чинопоследованием великой схимы. В источниках XI в. уже указывается этот чин. Совершался он после малого входа: иерей читал молитву “Владыко Господи Боже отцев наших, иже в посте живущих...”. Затем он обращался к великосхимнику с приличным по случаю назиданием, чего нет в нынешнем чине, и призывал присутствующих к молитве: “О брате нашем (имя рек) во Христе спасении его рцем вси: Господи, помилуй”, после которой снимали куколь со словами: “Во имя Отца...”⁸⁴.

При пострижении в великую схиму сохраняется тот же порядок вопросов, увещаний и молитв, что и при пострижении в малую схиму. Отличие состоит только в том, что в первом случае молитвы и увещания гораздо пространнее и сильнее, так как приспособлены к высшим духовным совершенствам монаха-схимника. Есть некоторые особенности и в облачении: вместо клобука надевают куколь, а также аналав — одеяние, подобное священнической епитрахили со крестами. В духовном смысле — это знак ношения язв Христовых.

Наконец, чинопоследование пострижения в великую схиму отличается тем, что для него положены особый канон и весьма трогательные антифоны, которые должен произносить приемлющий ее. Главная мысль канона и антифонов — скорбные вздыхания о слабостях человеческой природы, поврежденной грехом и удобопрельщаемой ко греху врагами нашего спасения, а также молитвенный вопль к Сердцеведцу Господу о ниспослании небесной помощи в устройении нашего спасения.

История чинопоследования пострижения в монашество в Русской Церкви

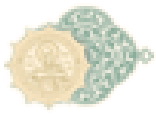
Русские люди приняли христианство из Греции в то время, когда богослужение в Греческой Церкви достигло высшей степени развития. Таким образом, вместе с православной верой русские приняли от греков благообразную церковную службу.

Памятники древнерусской письменности, не передавая во всей полноте чинопоследование пострижения в монашество, тем не менее позволяют составить приблизительное представление о том, как оно совершалось в первые века после принятия Русью православной веры.

Так, в поучениях прп. Феодосия Печерского монахам его обители указывается на предварительный искус перед пострижением, на обеты, даваемые перед Святыми Вратами в присутствии братии, отчасти на оглашение, и, наконец, на обращение священнодействующего при пострижении к дающему обеты со словами: “Се Христос...”: “Поменем первый свой вход, како быхом, но егда ко дверем монастырским приидохом, не все ли обещахомся терпети и поношения, и укорения, и уничижения, и изгнания? Не тогда бо токмо, егда пред святыми дверцами стояще ответ деяхом в своем обещании, аки и на страшнем дни пред видимыми послухи (свидетели) и пред невидимыми и Самого Владыку и Бога нашего призвахом на послушенство, глаголюще: Се Христос zde стоит невидимо. Блюди, кому си обещаеши: никто же тебе на се не нудит”⁸⁵.

В приведенной цитате речь идет, во-первых, о вратах монастырских, через которые монах вошел впервые в монастырь и, во-вторых, Вратах Святых, пред которыми он давал монашеские обеты.

Такое напоминание может свидетельствовать о существовании во времена прп. Феодосия предварительного искуса за

монастырскими вратами, после которого совершалось принятие в монастырь и посвящение в монашество церковным чином. Указание же на обещание “терпети и поношения, и укорения, и изгнания”, могло даваться как наедине игумену, перед поступлением в монастырь, так и торжественно в церкви, при пострижении.

Более ясное представление о чине дает нам житие прп. Пимена Многоболезненного, который был облачен в великий ангельский образ чудесным образом: “Приидоша к нему ангелы светлы, иные во образе юнош красных, иные же во образе игумена и братии, носяще в руках свещу, также Евангелие, власяницу, мантию, куколь — и вся яже суть на потребу пострижения. И глаголаху тому: хочещи ли да пострижем тя? Блаженный же с радостию отвеца: ей хощу, Господь посла вас, Господие мои: молю исполните желание сердца моего. Они же абие начаша вопросы творити, и вся по ряду, яже пишутся в Уставе иноческого пострижения. И тако постригоша его в великий ангельский образ, облекше и в мантию и в куколь: Пименом же того нарекоша. Давши же по обычаю свещу горящую, реша: до четыредесяти дний и нощий сия да не угаснет... Также совершивши вся, целоваша его, и отыдоша в Церковь, взявше власы его в убрус, яже положиша на гробе прп. Феодосия...”. Извещенный о чуде игумен с братией на другой день “со книгами пострижения пришед вопроси его (Пимена): рцы нам: каковы быша постригшии тя? И аще не оставиша что написанного... в книгах сих?”⁸⁶.

Таким образом, из поучения прп. Феодосия Печерского и жития прп. Пимена видно, что в Печерской обители совершались чины малой и великой схимы согласно Уставу иноческого пострижения. Прежде всего постриг в монашество пришедшего в обитель предварялся некоторым временем его пребывания в монастыре в качестве рясофорного монаха. Это была вторая

после вступления в монастырь ступень искуса, удостоверяющего игумена и братию монастыря в склонности пришедшего к монашеству.

Сам же чин пострижения предполагал ответы постригаемого на вопросы священнодействующего при пострижении относительно чистоты и твердости его намерения принять монашескую схиму, с произнесением при этом монашеских обетов; затем оглашение, облачение в монашеские одежды, “сопровожаемое, конечно, молитвами”⁸⁷.

Из монашеских одежд в житии прп. Пимена называются только власяница, мантия и куколь, так как житие не имело целью перечислять одежды, в которые был облачен преподобный.

После пострижения схимнику вручалась возженная свеча, с которой он должен был стоять в Церкви при богослужении. Братия приветствовала новопостриженного братским лобзанием. Если ко всему сказанному прибавить то, что пострижение в монашество сопровождалось пением, то можно сделать вывод, что это чинопоследование соответствует современным нам чином русским и греческим.

Как уже отмечалось, в первый период истории русского богослужения (с принятия в 988 г. христианства до смерти митр. Киприана в 1406 г.) наше богослужение представляло собой точное воспроизведение богослужения Греческой Церкви⁸⁸.

В дальнейшем, кроме греческого, на русское богослужение в сильной степени повлияла богослужebная практика южнославянских земель. Правда, “могучая воля и энергия митр. Киприана... снова возвращали, хотя и на некоторое время, наше богослужение к полнейшему единству с практикой Церкви Греческой”⁸⁹, но, тем не менее, южнославянское влияние было столь значительным, что это весьма заметно отразилось в русских литургических памятниках XIV и XV веков. Таким образом, в XV, а частично и в XVI веках, рус-

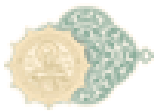

ское богослужение характеризуется влиянием как греческой, так и южнославянских Церквей.

В рукописном архиерейском Служебнике XIV в. из Софийской библиотеки⁹⁰ чинопоследование малой схимы начинается прямо с вопросов о цели прихода брата к алтарю и к “святой дружине”. За вопросами следует оглашение и ряд молитв: “Благодарим Тя, Господи Избавителю, по мнозей милости Твоей”, “Господи, Господи, сило спасения моего...” (начало такое же, как в “просхиме”).

Затем следовали пострижение, облачение и чтение молитв “Господи Боже наш, введый раба Твоего сего...”. Первая из этих молитв в современном чине малой схимы читается перед пострижением и облачением, а вторая — вслед за ними. После молитв игумен и братия лобызают новопостриженного, затем игумен возлагает на него клобук и поручает братии постричь нового монаха, братия “веде пострижет его от верха до полу главы венцем и отпустит и”⁹¹. Пострижение монахами нового собрата после лобзания известно нам из греческих чинов, упоминаемых выше.

Рукописный Требник XIV в. передает нам “чин малого образа”. Он начинается молитвами: “Господи Боже наш, возлюбивый тако девство...” и “Господи Боже наш, взаконив достояния Тебе сущая...”, затем следует оглашение, после чего иерей читает молитвы: “Благодарим Тя, Господи Избавителю, по мнозей милости Твоей...”, “Господи Боже наш, взаконивый достойные Себе быти...” и молитву главопреклонения “Господи, Господи, сило спасения моего”. Пострижение происходило в царских вратах, где ставился аналой с Евангелием, на которое полагали ножницы. Перед пострижением брат творил три поклона перед Евангелием и целовал его, затем начинался постриг. Следует отметить строгое соблюдение крестообразной формы пострижения волос: “Иерей постригал власы уgle

на четыре части”⁹². Порядок и особенности чина те же, что и в Служебнике, кроме одной особенности: нового монаха постригала не вся братия, а игумен, который “вдаст брату, рек: стрижи. И брат, ведъ, постригает его от врѣха до полуглавы венцем в угле церковнем и отпустит”⁹³.

Относительно этого чина малой схимы А. Дмитриевский замечает, что оригиналом для него “несомненно во всех подробностях послужил чин Сербской Церкви”, хотя, добавляет он, все обрядовые действия, за исключением молитв, можно найти и в греческих списках этого чина⁹⁴.

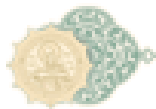
Что касается чина великой схимы в Русской Церкви XIV в., то он был тот же, что и в Греческой Церкви⁹⁵.

А. Дмитриевский подробно излагает порядок пострижения в великую схиму по рукописному Требнику. Особенностью этого чина прежде всего является необычность размещения тропарей в антифонах. Такое размещение не встречается ни в одном из греческих последований великой схимы⁹⁶.

Вторая особенность рассматриваемого чина в том, что пострижение совершалось в алтаре: “По сем (т.е. после молитв) воздвигнет и поп, и ем за руку десную, уводит и в алтарь и поклонится до земли оглашенный, и глаголет ему поп: Се Христос...”⁹⁷.

Третью особенность представляет ектения, значительно отличающаяся по составу прошений от обычной для данного чина.

Чин на одяние рясы, существовавший в Русской Церкви в XV в., Н. Одинцов излагает в такой последовательности. Сначала были вопрошения, что вполне согласно с древней практикой Греческой Церкви. Затем после вопрошений следовало обычное начало, читались псалмы 25-й и 50-й, Трисвятое и тропарь “Боже Отец наших”, который повторялся на “Славу”, а на “И ныне” — тропарь “К Богородице прилежно

ныне притецем...”, далее читались обычные молитвы и происходило пострижение: “Приняв ножницы из рук постригаемого, иерей постригает его со словами: “Брат наш и прочее. Рцем вси за ны: “Господи, помилуй”⁹⁸. После иерея нового инока постригала и остальная братия монастыря при пении 50-го псалма, а затем он облачался в рясу и камилавку. Особенностью этого чина является то, что по облачении читался в наиздание Апостол. Затем происходило лобызание, и этим оканчивался чин.

Последование малой и великой схимы в XV в. очень мало отличалось от того, как оно совершалось в XIV в. Что касается этих чинопоследований XVI в., то тут мы ограничимся указанием на их сходство и различие с греческими чинами малой и великой схимы.

Начало “последования малого образа, еже есть мантия” XVI в. очень сходно с началом чинопоследования малой схимы XVI вв. Греческой Церкви. В этом чинопоследовании так же, как в греческой практике, пострижение совершает иерей, а игумен только присутствует, ножницы из рук постригаемого принимает игумен и передает их иерею для пострижения.

В числе иноческих одежд русские рукописные Требники XVI в. называют параман, чего нет в греческих чинопоследованиях малой схимы.

Обычай при лобзании вопрошать: “Како ти есть имя” заимствован из сербского последования малой схимы.

Чинопоследование великой схимы XVI в. представляет почти дословный перевод чина пострижения в великую схиму Греческой Церкви.

Вместо “Елицы во Христа крестистесь...” перед чтением Апостола в славянских чинах поется “Святый Боже” и читаются два зачала Апостола: дневное и из послания к Колоссянам: “Братие, облечитесь убо, яко же избранныи...” (Кол. 3, 12–16).

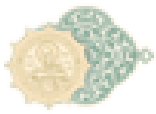
Состав и порядок современных чинов “На одяение рясы и камилавки”, “Последование малой схимы” и “Последование великого и ангельского образа” тот же, что и в греческих Евхологионах начала XVIII в.

Происхождение чинопоследования пострижения в монашество женщин

Женское монашество появилось в христианской Церкви одновременно с мужским. И как мужское монашество расцвело и принесло богатый плод главным образом в Египте, так и женское монашество своей родиной называет Египет, где “в молчании кроткого и терпеливого духа”⁹⁹ подвизались святые жены. Здесь прославилась прп. Фекла, дочь богатого сенатора Евпраксия, уневестившаяся Христу и в храме одного из женских монастырей в Фиваиде облаченная в иноческую одежду¹⁰⁰, и другие.

В Египте женское монашество получило свою организацию, и в силу того, что оно всегда находилось под влиянием мужского, “Господу угодно было, чтобы прп. Пахомий — учредитель общежития для иноков — был учредителем его и для инокинь”¹⁰¹. Пахомий Великий приспособил правила своего монастыря к монастырю своей родной сестры, и сам наблюдал за жизнью обители. Вследствие этого монастырь сестры прп. Пахомия был образцом, которому подражали и другие женские монастыри, его практику они применяли у себя.

В женском монастыре был также предварительный искус желающей принять монашество, затем — наставление в иноческой жизни и, наконец, церковное принятие в число монашествующих, как и в мужском монастыре. Нужно отметить, что в одежде монахинь была некоторая особенность

в сравнении с одеждой монахов: они не носили милоти, и клобук у них, покрывая голову, спускался с нее и прикрывал плечи. Последнее было введено для того, чтобы скрыть от взора остриженную часть головы, так как у монахинь был обычай остригать на голове волосы¹⁰².

Какой же чин пострижения практиковался в женских монастырях? Обычно монастыри использовали чин прп. Пахомия, несколько изменяя его применительно к лицам женского пола. На формирование этого чина оказал влияние и чин посвящения в девственницы. Институт девства известен в Церкви с первых времен. О девственницах упоминают Афинагор, Иустин-мученик, Минуций Феликс, Тертуллиан и др.¹⁰³

Посвящение в девственницы сопровождалось торжественным церковным обрядом с участием епископа или, по крайней мере, совершалось благословение пресвитером. Такой обряд описывает св. Амвросий Медиоланский и указывает, что посвящение сопровождалось изменением прежних мирских одежд. Отличительными одеждами девственниц были священное покрывало и золотой наглавник¹⁰⁴, и полагают, что в обряд посвящения входили произнесение обета девства, увещания, возложение священного покрывала, молитвы и песнопения¹⁰⁵.

История не ищет особого чина женского пострижения: существует один общемонашеский чин, ибо «о Христе Иисусе», для Которого и Которым только и живут подвижники и подвижницы, «несть мужеский пол ни женский» и для нравственного совершенствования и того, и другого требуются те же труды, скорби и тесноты.

Сведения о чине женского пострижения появляются в литургических источниках начиная с VIII в. В них приводится молитва на одевание рясы «Христе Боже наш, девство так возлюбивший»¹⁰⁶.

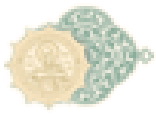

В глаголическом Требнике XI в. есть молитва на просхимы монахинь¹⁰⁷, где указано, что на Святое Евангелие полагаются ножницы и иерей читает молитвы главопреклонения: “Владыко Боже Вседержителю, иже чрез воплощение от Девы Единородного Твоего Сына, даровавый нам девство” и “Господи Боже наш, девство так возлюбивший”. Затем дается краткое описание пострига с обычными обрядами, после которого иерей облачает инокиню “в черный стихарь и мантию” со словами: “Сестра наша облачается в хитон просхимы в одежду правды и радования во имя...”¹⁰⁸, затем иерей читает молитву главопреклонения “Владыко Господи Боже Вседержителю, живущий на высоких...”, которой и заканчивался чин женской просхимы: новопостриженную “отпускает иерей с миром”¹⁰⁹.

Но это единственный подобный источник, ни в одном из древних литургических памятников Востока, исследованных А. Дмитриевским, ничего подобного больше не встречается. Поэтому можно думать, что этот чин не был широко распространен в Церкви и не записывался в Евхологионы.

Самый древний из чинов женского пострижения в собственном смысле этого слова сохранился в рукописях XI в. Он озаглавлен так: “Последование на пострижение монахини”. Особенностью этого чина является прежде всего, то, что он сопровождался омовением ног принимающей великую схиму, омовением, которое совершает игумения монастыря перед чином самой схимы. Вторая особенность — это присутствие в нем песнопений, обращенных непосредственно к лицу, принимающему схиму, — лицу женского пола.

После омовения ног, которое совершалось в притворе, сестры возвращались в храм при пении тропарей пятой песни Великого пятка, глас 6: “К Тебе утреннюю” и “Омывше нозе и предочистившися”, “Слава, и ныне”: “Великих даров”¹¹⁰.

По указанию Н. Красносельцева, в древних чинах чаще встречается пострижение в алтаре, чем перед Святыми Вратами. “Когда новопостриженная войдет в алтарь, восприемницы вынимают великосхимнические одежды из-под Святого Престола, куда они были положены с вечера, и приступают к облачению; священник по обычаю творит благословение при возложении каждой из одежд”¹¹¹.

Обычно после отпуста Литургии новопостриженная в сопровождении монахинь шествовала из храма в трапезу. Новая схимница пребывала в церкви семь дней, “упражняясь от дел”, в восьмой же день священник “творит еще молитву, и снемлет куколь с главы ея”¹¹². Омовение ног постригаемой в великую схиму, совершаемое игумениями, имевшее место в древних чинах пострижения, не практикуется в женских монастырях. В древности же этот обряд, по-видимому, был неотъемлемой частью чинопоследования женского иноческого пострижения. Известно, что в уставе одного из Константинопольских женских монастырей, данном императрицей Ириной, игумении монастыря предоставлялось право совершать омовение ног в предхрамий¹¹³.

Библиографические сноски:

1. Поснов М.Э. История Христианской Церкви.— Брюссель, 1964. С. 518.
2. Пальмов Н. Чинопоследование пострижения в монашество. — К., 1897. С. 20.
3. Происхождение христианских древностей. (6\а) Рим, 1896. — Т. 3. С. 381.
4. Петр, архим. О монашестве. — М., 1856. С. 8.
5. Касати И.Б. О древних священных христианских обрядах. — Рим, 1867. С. 215.
6. Там же. С. 214.

7. Казанский П. История православного монашества на Востоке. Ч. 1. М., 1854. С. 273.
8. Там же. С. 274.
9. Поснов М.Э. Указ. соч. С. 519.
10. Древние иноческие уставы. — М., 1892. С. 556.
11. Феофан, еп. Древние иноческие уставы. — М., 1892. С. 556.
12. Там же. С. 104.
13. Там же.
14. Церковная история Эрмия Созомена Саламинского. — СПб., 1851. С. 193.
15. Феофан, еп. Указ. соч. С. 523.
16. Там же. С. 524.
17. Феодосий (Отаржевский), иером. Палестинское монашество с IV до VI в. Православный Палестинский сборник. Вып. 44. СПб., 1896. С. 85.
18. Св. Дионисий Ареопагит. О церковной иерархии. Т. 1. — СПб., 1855. С. 196.
19. Пальмов Н. Указ. соч. С. 25.
20. Там же. С. 27.
21. Там же. С. 29.
22. Требник. — К., 1895. С. 112–113.
23. Дмитриевский А.А. Богослужение в Русской Церкви за первые пять веков. // Православный собеседник. Вып. II. — 1822. С. 130.
24. Там же. С. 135.
25. Древние иноческие уставы. С. 107.
26. Пальмов Н. Указ. соч. С. 33.
27. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. Ч. II. — М., 1897. С. 100.
28. Требник. — К., 1895. С. 112.
29. В современном чине этот вопрос предлагается на великой схеме.

30. Дмитриевский А.А. Указ. соч. С. 135.
31. Требник. — К., 1895. С. 120.
32. Быковский В. Чин пострижения монашествующего. Б\м. 1879. С. 21.
33. Блж. Симеон Фессалоникийский. // Писания св.отцев и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т.1. СПб., 1855. С. 201.
34. Быковский В. Указ. соч. С. 25.
35. По объяснению Дмитриевского А.А., хитон — это грубая и короткая верхняя одежда рясофорных монахов.
36. Владимир, архим. Описание рукописей Московской Синодальной библиотеки. Ч. 1. Б/м. Б/г. С. 389.
37. Требник Петра Могилы. — К., 1996. С. 1.
38. Пальмов Н. Указ. соч. С. 78.
39. Феофан, еп. Указ. соч. С. 300.
40. Быковский В. Указ. соч. С. 78.
41. Св. Дионисий Ареопагит. Указ. соч. С. 196.
42. Иннокентий, архим. Пострижение в монашество. Вильно, 1899. С. 42.
43. Там же. С. 45.
44. Быковский В. Указ. соч. С. 81.
45. Пальмов Н. Указ. соч. С. 38.
46. Иннокентий, архим. Указ. соч. С. 47.
47. Быковский В. Указ. соч. С. 87.
48. Там же. С. 89.
49. Владимир, архим. Указ. соч. С. 392.
50. Там же. С. 394.
51. Дмитриевский А.А. Указ. соч. С. 191.
52. Пальмов Н. Указ. соч. С. 70.
53. Быковский В. Указ. соч. С. 89.
54. Иннокентий, архим. Указ. соч. С. 53.
55. Там же. С. 57.

56. Пальмов Н. Указ. соч. С. 81.
57. Там же. С. 85.
58. Быковский В. Указ. соч. С. 93.
59. Там же. С. 94.
60. Блж. Симеон Фессалоникийский. Указ. соч. С. 209.
61. Казанский П. Указ. соч. С. 290.
62. Быковский В. Указ. соч. С. 50.
63. Феофан, еп. Указ. соч. С. 559.
64. Пальмов Н. Указ. соч. С. 132.
65. Блж. Симеон Фессалоникийский. Указ. соч. С. 198.
66. Патрология Миня. Письмо 7. Париж, 1994. С. 141.
67. Пальмов Н. Указ. соч. С. 197.
68. Быковский В. Указ. соч. С. 61.
69. Вениамин, архиеп. Новая скрижаль. СПб., 1884. С. 410.
70. Там же. С. 411.
71. Там же.
72. Требник Петра Могилы. — К., 1996. С. 16.
73. Вениамин, архиеп. Указ. соч. С. 412.
74. Требник. — К., 1895. С. 126.
75. Иннокентий, архим. Указ. соч. С. 49.
76. Там же. С. 51.
77. Казанский П. Указ. соч. С. 297.
78. Там же. С. 298.
79. Пальмов Н. Указ. соч. С. 199.
80. Там же. С. 201.
81. Быковский В. Указ. соч. С. 73.
82. Блж. Симеон Фессалоникийский. Указ. соч. С. 538.
83. Иннокентий, архим. Указ. соч. С. 52.
84. Пальмов Н. Указ. соч. С. 201.
85. Пономарев А.И. О терпении и милостыне. // Странник. Вып. 1. СПб., 1894. С. 38—39.

86. Киево-Печерский Патерик. — К., 1902. С. 166.
87. Одинцов Н. Указ. соч. С. 87–88.
88. Дмитриевский А.А. Указ. соч. С. 154.
89. Там же. С. 155.
90. Одинцов Н. Указ. соч. С. 12.
91. Там же. С. 13.
92. Дмитриевский А.А. Указ. соч. С. 169.
93. Пальмов Н. Указ. соч. С. 201.
94. Там же. С. 172.
95. Одинцов Н. Указ. соч. С. 174.
96. Там же. С. 173.
97. Там же. С. 174.
98. Там же. С. 102.
99. Казанский П. Указ. соч. С. 246.
100. Там же. С. 268.
101. Там же. С. 270.
102. Там же. С. 246.
103. Зиглерус. Об епископах различных юрисдикций. — Рим, 1886. С. 567, 568.
104. Мартини. О древних церковных обрядах. — Рим, 1896. С. 520.
105. Красносельцев Н. О некоторых церковных службах, не употребляющихся ныне. // Православный собеседник. Б/м. 1889. Март. С. 382.
106. Пальмов Н. Указ. соч. С. 263.
107. Красносельцев Н. Указ. соч. С. 370.
108. Там же. С. 378.
109. Там же. С. 374.
110. Красносельцев Н. Указ. соч. С. 376.
111. Там же. С. 377.
112. Там же. С. 375.
113. Пальмов Н. Указ. соч. С. 270.